

Невысокий, крепкий, с бородой Хемингуэя — такого и стариком назвать неудобно — степенно идет недилинным маршрутом улицы — и соседи уважительно приветствуют его. Чаще всего по утрам его можно видеть в очереди за молоком. Недокучлив, но интересен в беседе, трезво оценивает вещи и не в пример иным молодым — не ропщет на судьбу.

Ему не раз предлагали люди:

— Становитесь, Иван Андреевич, без очереди, это ж сколько ж надо выстоять — в вашем возрасте! 90 лет — не шутка!

Не обижается. Лишь весело, по-молодому взглянет, ответит обыденно:

— А куда мне спешить? Это вам, молодым, заботы.

...Беспощадная, однаоб разная, серая, как мешковина, первая мировая война, помесив Европу, уткнулась как вилы в рабоче-крестьянский бок России.

Шел 1916 год. В Таганрогском округе появились первые вестники той доброй годинки: искалеченные, исхудавшие, в видавших виды шинелях солдаты, недавние молодые парни, а нынче — обзолненные, постаревшие за два года войны.

Один из таких солдат-окопников возвратился в Троицкое. Молчаливый, угрюмый, он лишь осуждающе поглядывал на молодых хлопцев — земляков, готовившихся «дать германцу отпор, постоять за Отечество».

Лишь один раз заговорил окопник с хлопцами. Стуча деревяшкой, он обошел ватагу парней и, глядя каждому в глаза, сказал коротко, но со значением:

— Телята вы, еще нарождаетесь, вшей покоимите. — И, как бы подумав, закончил:

— Слышал я там, Ленин какой-то есть. Вот тот должен замирить всех. Большевиками командует.

Спустя несколько месяцев вспомнил Иван Гармаш, призванный под знамена царской армии, того земляка — окопника, назвавшего их, молодых, телятами. Из стоявшего рядом пехотного полка пришел в распоряжение

время было смутное и не всем, кого направляли, удавалось добраться до места.

Но всю свою жизнь он помнит, что был солдатским депутатом. И его слово не раз твердо звучало, когда решалась судьба людей. Так было, когда полковой комитет принимал решение — что делать?

— Домой! — коротко

СОЛДАТСКИЙ ДЕПУТАТ

гвардейцев солдат. Веселый, в старой, но ладно сидевшей шинели. Чем-то родным повеяло от встречи с тем солдатом. Он говорил о том, что война несет разорение народу, что в немецких окопах такие же рабочие, крестьяне, как и они. И что надо знать, кто истинный враг солдата. Временное правительство. Снова довелось услышать знакомое, с уважением названное имя — Ленин. Хотел побольше узнать, да появившийся командир полка потребовал удалить агитатора.

Но что-то уже надломилось в патриотическом настрое гвардейцев. Непонятным был солдатский митинг, непонятным и не ожидаемым — решение полкового комитета, постановившего: избрать солдатским депутатом от 408-го Его Величества Гвардейского полка нижнего чина, как грамотного и сознательного, Ивана Гармаша. Постановили: направить гвардии рядового к Ленину.

Не попал Иван Гармаш к Ленину, ни на съезд:

ответил Иван на вопросительно устремленные к нему взгляды солдат.

И так же решительно сказал вербовщикам Войска Донского: «Передайте генералу Краснову — к нему не пойдем: есть дела поважнее»...

— Что самое памятное в жизни, — спросил я у Ивана Андреевича?

Умный, мудрый собеседник, дед Гармаш, как его называют знакомые, рассудил по-своему.

— Разве может жизнь делиться на приметные и незаметные страницы? Я думаю, что главное для человека — как жизнь прожить. Я своей доволен. Жаловаться не приходится.

Все время после гражданской вплоть до начала Великой Отечественной — земледелец, легко, играючи освоил сельскохозяйственную технику. Не было лучшего специалиста в Матвеевской Курганской МТС по наладке, обслуживанию локомотивов, «фордзона» или комбайна. Много учеников оставил.

— Вы жили в 37—38

годах? Как вы их оцениваете? — спрашиваю Ивана Андреевича.

— Вы знаете (у него есть великодушная черта всех называть на вы), в целом запомнился сплошной энтузиазм, стахановцы появились, радость была у людей — не знаю, может чего-то не заметил.

— Так это же годы репрессий!

— Да, «тройки» были. У нас в колхозе один плюгавый такой был — сопли до пояса, да за наган чуть-что хватался. Помню, в Политотдельском хлеб молотили. Ну, а с локомотивом что-то случилось, кажется, ремешок оборвался... Так он мне наганом пытался под нос тыкать. Ну я его в копну швырнул, чтоб успокоился. — с усмешкой сказал И. А. Гармаш.

— Правда, в 42-м году он приехал ко мне домой, с кучей милиционеров, да не застал. К тому времени я на войне был. Но семью таки напугал, подлец...

...Иван Андреевич еще не раз избирался депутатом, председателем различных комиссий. Наверное, видели люди в нем то, что искали. Источник уверенности и правды.

Он и в людях ценит добродетельность, честность, отзывчивость. Зашел разговор как-то о здоровье (возраст такой — можно и поговорить). Так он в воспоминании не преминул назвать имя своего спасителя — врача районной больницы А. И. Волкова. Хирург лет десять назад сделал старому человеку сложную операцию и вот живет дед Иван, радуется жизни. И есть у него пожелание. Как бывший депутат, хочет сказать: «Держайте, депутаты! Все в ваших силах!»

А. КРАСУЛЯ.